

М. Б. Сапунов

**ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ В БИОЛОГИИ (предпосылки и уровни анализа)
Вопросы философии. 1984. №12. С. 54-62.**

Проблема реальности, как она понимается в науке, - комплекс вопросов философского, логико-методологического и предметно-онтологического характера, связанных с пониманием ее предмета и механизмов полагания объектов научного знания в качестве существующих, реальных.

Современная наука накопила богатый опыт изучения таких объектов. Квазичастицы, виртуальные частицы, кварки - в теории элементарных частиц; квазары, пульсары, черные дыры - в астрономии; альтернативные модели Вселенной - в космологии; биологическое поле, креод, макроэволюция - в биологии. Их существование отнюдь не очевидно и требует специальных процедур обоснования. И это относится не только к экзотическим объектам современной науки, действительно весьма далеким от предметов обыденного опыта. Вопросы о существовании креода и вида, цели и гена, биологического поля и естественного отбора, как бы резко они ни различались на уровне психологии научного сообщества, по своему логическому содержанию тождественны. Так, через всю историю биологии проходят дискуссии по проблеме существования благоприобретенных признаков, а споры по проблеме реальности вида и высших таксономических категорий по количеству литературы и эмоциональной напряженности не уступают классическим проблемам существования в физике и математике.

«Со времени своего возникновения наука постоянно вынуждена решать, казалось бы, тривиальный вопрос: существуют ли объекты, знанием о которых она является, а если существуют, то как они существуют...» (разрядка моя. - М. С.).

Что существует «на самом деле» - цель или действующая причина, естественный отбор или номогенез? Чтобы отвечать на эти вопросы, ученому приходится специально задумываться над смыслом терминов «существовать», «быть реальным». Цель данной статьи - показать, чем должен руководствоваться ученый в принятии решения по проблеме существования объектов биологического знания.

Вынося суждение по поводу существования тех или иных объектов науки, ученый реализует не только свое профессиональное мастерство, но одновременно и целый комплекс методологических и философских представлений о мире и характере собственной деятельности по получению научного продукта, выступая одновременно и как ученый, и как методолог, и как философ единый в трех лицах. Главная задача статьи - показать, что только с позиций диалектико-материалистического понимания предмета научно-теоретической деятельности, учета всей сложности, многоплановости и комплексности проблемы реальности, последняя может быть представлена наиболее полно, что лишь на этой основе можно предложить ученому эвристичную методологию постановки и решения проблемы.

Деятельность биолога в качестве примера реконструкции опыта постановки и решения проблемы реальности выбрана не случайно. Она представляет особый интерес потому, что, несмотря на бурный процесс теоретизации, в биологической науке до сих пор чрезвычайно распространены наивно-натуралистические оценки учеными характера и смысла собственной деятельности. Очевидно, что при таком уровне методологического сознания не является специальной проблемой и существование объектов науки. Ее утверждения прямо переводятся в суждения о существовании

объектов в «самой по себе» действительности, во всяком случае, предполагается наличие строгой процедуры отличения Феноменов реальных от воображаемых.

Уже сам по себе факт существования во всех областях биологического знания альтернативных теорий, концепций, взглядов, предписывающих действительному миру разные системы «реальных объектов», наглядно свидетельствуя о сложно опосредствованной связи научного знания с эмпирически данным «миром живой природы», расшатывает наивно-натуралистическое сознание, заставляет сомневаться в тривиальности ответов на вопросы: «Что существует?»; «Как существует?»; «Что значит существовать?» В историческом аспекте та же ситуация возникает всякий раз, когда обнаруживается, что наше знание о том, «что существует на самом деле», периодически изменяется: Коренные перестройки предметного содержания науки в условиях научных революций особенно ярко демонстрируют беспомощность созерцательной методологии, фетишистски «отождествляющей» предметность науки с объектами действительности как таковой и не могущей поэтому последовательно материалистически, объяснить рост научного знания. Это было прекрасно показано В. И. Лениным применительно к революции начала века.

Именно такого рода ситуации представляют интерес для методолога науки и, сталкиваясь с ними, ученый по необходимости становится методологом, начинает критически относиться к своей деятельности по получению научного продукта. Революционный процесс теоретизации биологии все более подталкивает ученых к пониманию того, что мир, о котором говорят их теоретические и экспериментальные конструкции, существенно отличается от того «мира живого», который описывается языком ненаучного опыта. Созерцательно-метафизический (по принципу: «или-или») подход к решению проблемы существования биологических объектов оказывается неплодотворным ни с точки зрения задач предметной работы ученого (ибо тормозит процесс теоретизации), ни ввиду необходимости методологической рефлексии (ибо задает неверные методологические регулятивы). Что значит «существовать» для биологического объекта, каковы критерии его существования? Осознанная постановка и решение для себя этих вопросов существенно определяют в этих условиях профессиональную деятельность современного биолога.

Марксизм не просто совершенствует технику ответа на вопросы, сформулированные в терминах созерцательной философии: он предлагает принципиально новый подход к анализу духовно-теоретической деятельности, который индуцирует новые вопросы и дает возможность получать новые ответы. Исходная философская абстракция диалектического материализма противостоит как созерцательному материализму, которым «сознание берется вполне натуралистически, просто как нечто данное, заранее противопоставленное бытию, природе» [2, с. 34], а действительность понимается как «метафизически переряженная природа в ее оторванности от человека» [3, с. 154], так и идеализму, который «на место действительной связи между человеком и природой ставит абсолютный субъект-объект... абсолютный дух» [4, с. 179], т. е. сознание, которое воображает себе, «что оно не что иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного» [5, с. 30].

Полагая основой научно-теоретического отношения к миру чувственно-предметную деятельность, диалектический материализм анализирует науку как специфический, социокультурно-детерминированный по форме и содержанию тип идеальной регуляции практической жизнедеятельности общества. «Рассмотрение

действительности в форме объекта» - эта наиболее абстрактная характеристика научного метода не есть какой-то от природы данный человеку «естественный» способ видения и понимания мира: и в филогенезе человеческого рода, и в онтогенезе индивидуального развития необходим достаточно развитый уровень практической деятельности, чтобы посмотреть на действительность, т. е. на сферу взаимодействия человека с окружающим миром под углом зрения науки. Задачей философского анализа науки является поэтому логическое и историческое выведение «естественной, установки» науки и характерного для нее типа объективации ее продуктов («природы» - в терминология Канта и Гегеля) из особенностей практического взаимодействия субъекта и объекта. «Природа» как универсум объектов возможного научного опыта, не является некой изначально предлежащей человеческому любопытству и любознательности метафизической реальностью; она вычленяется как момент практического отношения человека к миру и потому всегда социокультурно окрашена, она исторически возникает и эволюционирует вместе с историческим возникновением и эволюцией науки.

Увидев заслугу идеализма в детальной разработке деятельной «субъективной» стороны «природы» и положительно оценив стремление созерцательного материализма акцентировать ее объективное содержание, диалектический материализм рассматривает эти позиции как односторонние абсолютизации действительных моментов в понимании предмета научно-теоретической деятельности. Но последовательно-материалистическое объяснение диалектики субъективного и объективного в научной деятельности возможно лишь с позиций марксистской концепции о практической природе познания, т. е. с позиций полагания предельных оснований предмета науки в практике как объективном процессе преобразования общественным субъектом окружающего мира.

Таким образом, предмет науки - это объективированный в ее теоретическом и экспериментальном языке и представленный в виде особого рода «научной реальности» абстрактный, идеальный момент чувственно-предметной деятельности субъекта [6, с. 99]. Формирование такого рода реальности является предпосылкой и содержанием работы внутри науки как специфической формы духовного производства.

Назовем этот непосредственный предмет работы ученого предметной реальностью и будем считать, что тем самым задано гносеологическое определение любых предметных спецификаций этого понятия: физической [7], астрономической [8], психологической [9, с. ИЗ] и других реальностей. Если непосредственным предметом знания является предметная реальность, то вопросы о существовании должны ставиться именно относительно ее, а не относительно неосвоенной деятельности «материи» в натуралистическом ее понимании: *существовать* для объекта науки - значит быть элементом ее предметной реальности¹.

Мы будем говорить о понятии биологическая реальность².

¹ Предметная реальность науки, имманентным свойством которой является объективность (объектность), оказывается, выражаясь классическим языком, «трансцендентально-идеальной» - идеальной компонентой деятельности практического субъекта. (Этот ход мысли прослеживается, но на идеалистической основе, в классической немецкой философии.) Именно поэтому объективность характеристик «природы» нельзя понимать фетишистски: она обеспечивается именно объективностью практики.

² В советской литературе это понятие было впервые введено И. Т. Фроловым и осмыслено в контексте

Прежде чем перейти к конкретному анализу проблемы существования объектов биологического знания, сделаем одно принципиальное замечание. Корректное обсуждение гносеологической проблематики на современном этапе возможно, по нашему мнению, лишь когда признается концепция исследования научного познания различными сферами, каждая из которых выполняется специфическими концептуальными средствами на различных по степени абстракции иерархических уровнях, причем на высшем находится философия. Дифференциация уровней и типов рефлексивного анализа науки, предложенная В. А. Лекторским и В. С. Швыревым [10], позволила по-новому взглянуть на ряд традиционно философских проблем, более четко и определенно их поставить. По-видимому, наступило время применить эту идею и к анализу проблемы реальности. Последняя по-разному «выглядит» на разных уровнях рефлексии, а ответ на вопрос, что она собой представляет, обнаруживает жесткую зависимость от учета концептуальных средств ее постановки.

Кроме собственно философского подхода можно выделить (не претендуя на полноту) еще по крайней мере два: логико-методологический и предметно-онтологический. Сама проблема существования предстанет тогда в качественно гетерогенной, разноуровневой, по-разному формулируемой на разных языках, но представляющей собой тем не менее некоторый целостный феномен: органичный сплав предметного, логико-методологического и философского знания. Необходимо четко представлять себе выразительные возможности языка каждого из уровней: что можно и чего нельзя говорить на нем. Необходимо фиксировать, в каком контексте и в каком смысле используется понятие существования в том или ином случае. Лишь с учетом всех уровней обсуждения проблема существования может быть верно поставлена и решена. Начнем с предметно-онтологического уровня рефлексии, буквально «растворенного» (и потому трудно фиксируемого) в непосредственной работе ученого.

В литературе этот уровень метанаучного анализа обычно эксплицитно не выделяется, но, по нашему мнению, он имеет важное значение и фактически используется при обсуждении проблемы существования объектов научного знания. Вопросы, задаваемые на этом уровне, лишь по видимости не носят рефлексивного характера.

Применительно к биологической науке выделенный уровень - это специфический тип рефлексивного анализа, направленный на выяснение тех предметных характеристик биологического объекта, которые конституируют его в качестве биологически реального. Биологическая реальность здесь - «непосредственная рабочая данность», определяемая нормами и средствами предметной работы биолога. «Существовать» для объектов биологической науки в контексте этого уровня - значит обладать предметно-онтологическими характеристиками наличной (или, в принципе, возможной) биологической реальности. Поэтому проблема существования вида, гена, цели и т. п. разрешается на языке этого уровня построением соответствующих экспериментальных и «наблюдательных» методик, гипотез, концепций, предполагающих эти сущности в качестве элемента своей предметной реальности. При этом нужно учитывать, что биологическая реальность на протяжении всей истории биологии формировалась с учетом существования разных уровней организации «живого», средствами разных дисциплин и в рамках разных, часто альтернативных, исследовательских программ, т. е. представляет собой сложно иерархизированную и по

«вертикали» и по «горизонтали» систему биологических объектов и их связей. В приводимых ниже примерах мы сознательно отвлекаемся от многих сложностей в формировании и эволюции представлений о биологической реальности.

Известно, что в эпоху господства в теоретическом естествознании механико-математической парадигмы существенной характеристикой всякого, в том числе биологического, объекта считались его неизменность, постоянство (принцип униформизма). Именно поэтому «изменяющийся вид» для этой эпохи - это субъективная фикция, абстракция, нечто объективно не существующее. «Сущее должно быть неизменным» - один из центральных тезисов противников эволюционной идеи. Потребовалась огромная работа по выдвиганию и усвоению исторического подхода к «природе» (кстати, незаконченная до сих пор, о чем свидетельствуют современные дискуссии), чтобы биологический вид занял место в структуре биологической реальности как исторический эволюционирующий объект.

Развитие теории эволюции сопровождалось отказом от концепции организмоцентризма, для которой не существующими «на самом деле» оказывались все надорганизменные образования. Хотя «еще и в настоящее время немало биологов реальностью считают только особь» [11, с. 31], сейчас ученые все более привыкают к мысли о существовании разных организаций объектов, онтологически равноценных. Эта крупная перестройка биологической реальности, естественно, встречается с определенными трудностями. Отмечая, что в современной биологии господствует видоцентризм, К. М. Хайлов констатирует, что даже «в дискуссиях по проблемам теоретической биологии обсуждение почти не касается уровней организации, лежащих выше популяции и вида. Но ведь "выше" вида лежит] такая же обширная и безусловно значимая биологическая реальность, как и "ниже" его» [12, с. 241].

Вся история биологии показывает, что на уровне этой науки проблема существования решается, так сказать, подручными средствами: критериями существования служат предметные характеристики биологической реальности.

Еще одно характерное рассуждение анализируемого уровня: «Если мы зададим себе вопрос, объективны ли виды птиц, то мы сразу же сталкиваемся с вопросом, каковы критерии, определяющие объективность какой-либо систематической единицы... Единица может считаться объективной, если она отделена от других единиц границами, определяемыми разрывами» [13, с. 121]. Иначе говоря, для Э. Майра как систематика «объективно существовать» для вида означает принадлежать к предметной реальности строго определенной концепции вида. В современной таксономической литературе есть разногласия как относительно отдельных критериев внутри одной концепции вида, так и на уровне разных концепций: для эволюционного систематика «объективно существуют» только «биологические виды», а «морфологические» не существуют и т. п.

Поскольку биологическая реальность есть единственный объект, с которым имеет дело биолог, он естественно (психологически) и необходимо (в соответствии с «объектным» методом науки) расценивает ее характеристики как имманентные свойства «мира самого по себе», выступая как бы от имени самой природы. Отсюда понятно, почему то, что не вписывается в наличную биологическую реальность («ген» - в начале века, «цель» - в настоящее время), часто квалифицируется в терминах «нематериального», а концепции, предполагающие эти сущности, трактуются как «идеалистические», «метафизические» - примеров этому множество.

Вспомним, что это отождествление характеристик «природы» с природой «самой по себе» было характерно для всей созерцательной философии (понимание

материи в механистическом материализме, гегелевская «природа», не развивающаяся во времени именно потому, что она - инобытие духа в форме механико-математического естествознания с его математическим временем, в котором «все дано»). Такая позиция, естественно, приводит к кризисам доверия к стихийному материализму в периоды интенсивного развития науки: ученому кажется, что рушится «сама природа», «материя исчезает». И это следует понимать именно как объективную (в марксистском смысле) кажимость, объективную видимость. Ибо ошибка созерцательного материализма не просто в отождествлении предметной реальности с фетишистски понятой «материей»³: она лежит глубже - в невозможности в рамках натурализма вывести предмет науки, имманентным свойством которого является «объективность», из процесса, Действительно объективно детерминирующего и содержание и форму научной деятельности, - из практики. Необходимо уметь выводить само свойство «объективности» предметной реальности науки из характеристик чувственно-предметной деятельности общественного субъекта.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, как выяснилось, на этом уровне рефлексии речь не может идти о материальном существовании в философском смысле; во-вторых, «предметное существование» оказывается неким свойством предметной реальности; в-третьих, действительно серьезным вопросом, который можно сформулировать в терминах этого уровня, является скорее не гамлетовский вопрос, а вопрос: «В каком смысле быть?». В этом стиле написана статья известного биолога А. А. Любищева «О критериях реальности в таксономии» [14, с. 119-128], в которой выделяется множество критериев существования биологических объектов в «предметно-онтологическом смысле (протяженность, дискретность, непроницаемость и др.). Можно полагать, что самый общий ответ на таким образом сформулированный вопрос содержится в системе категории, которые задают предельно общий каркас определений предметной реальности науки. В терминах этой системы можно различать «виды» существования, «роды сущего» (Аристотель): объект науки может существовать в качестве необходимого и в качестве случайного, как явление и как сущность, «как возможный и как действительный и т. п. Для разных концепций эта категориальная определенность объектов может быть различной: например, для номогенеза конвергенция - это сущность, а для синтетической теории эволюции - явление, эпифеномен эволюционного процесса. Необходимо диалектическое мышление, чтобы правильно пользоваться этими категориальными критериями существования.

Проходящая через всю историю биологии конфронтация двух исследовательских стратегий - физикализма и «биологизма», радикально противоположным образом трактующих вопрос о природе биологического знания, имеет ярко выраженный предметно-онтологический аспект: существует ли самостоятельная биологическая реальность как предмет суверенной биологической науки или она есть фикция обыденного сознания, эпифеномен процессов и законов, принадлежащих физической, химической, кибернетической и другим реальностям науки? В качестве гипотезы можно предположить, что различие физической и биологической реальностей проходит именно на категориальном уровне: необходимо, по-видимому, признать существование разных типов объектов науки таким образом, что абстрактные объекты биологии суть объекта иного категориального типа, а потому

³ Это вполне адекватное отражение объективной видимости - непосредственных мотивов деятельности агентов научного производства.

их «нужно анализировать и описывать иначе, нежели описывались объекты физических теорий, сами эти объекты будут представлены в существенно иных онтологических картинах... а описывающие их теории будут иметь иную логическую структуру, нежели физические теории и т. п.» [15, с. 175].

История биологии позволяет зафиксировать момент, когда биологическая реальность впервые была сформирована (М. Фуко, например, считает, что «до конца XVIII в. жизнь как таковая не существует») [16, с. 228], проследить этапы ее эволюции. При этом введение новых реальностей в науку требует постоянной работы по уточнению категориальных характеристик предметной реальности. Эта работа - один из каналов, по которому «метафизика» влияет на предметное содержание науки.

Исследование научного знания в рамках логики и методологии науки предполагает осуществление ряда абстракций. Здесь отвлекаются прежде всего от судьбы знания вне науки: анализ ведется в пределах собственно научной деятельности, изнутри науки, и ставит целью изучение принципов построения, форм и способов научного познания. Дополнительно к этому логика наук отвлекается и от деятельности исследователя, ограничиваясь анализом языка науки, имеющим три уровня: синтаксис, семантика и прагматика. Все они важны в контексте обсуждаемой проблемы, но нас прежде всего будет интересовать позиция логической семантики: «В логической семантике, - пишет И. Н. Бродский, - можно отвлечься от вопроса о природе внелингвистических объектов, так как для ее целей не существенно, будем ли мы рассматривать в качестве денотата сам предмет или только его образ» [17]. Таким образом, с точки зрения логики работа ученого заключается в формировании (посредством специфических процедур абстракции и идеализации) некоего универсума объектов, к которому непосредственно относится научное знание. Мир физика, математика, биолога рассматривается с этой точки зрения как мир допущений, идеализации, не имеющий непосредственного отношения к миру повседневного опыта. Например, биология не просто «использует» абстрактные объекты как некие удобные фикции, подлежащие в конце концов элиминации, но как вполне сформировавшаяся наука, непосредственно о них только и говорит, точнее о целой системе абстрактных объектов и их связей (законов науки).

Отметим, что в методологии в настоящее время наличествует по крайней мере два существенно различных представления об абстрактных объектах и предмете науки. Можно полагать, что к ним тяготеет все многообразие взглядов, представленное в современной литературе по этой проблеме.

Одно из них, «уяснив сложный и опосредованный характер познания», этим и ограничивается: «Подразделяя объекты науки на эмпирические и теоретические, мы хотим подчеркнуть, что те и другие есть результат процессов схематизации и идеализации. И равным образом неправомечно отождествлять эмпирические объекты с самой реальностью, как и теоретические» [21, с. 30]. При этом абстрактные объекты, их совокупность, Универсум отождествляются с предметом науки. Пафос такого понимания предмета науки можно было бы выразить так: «Все несколько сложнее, нежели это представляет себе натурализм». Но дело в том, что представление предмета науки как совокупности абстрактных объектов вынужденно элиминирует «действительно человеческую деятельность», рассматривает ее как момент самодвижения системы абстрактных объектов. Отметим, что эта абстракция (замкнуто-имманентный анализ знания) логически соответствует исходной гносеологической абстракции созерцательной философии.

Другое представление характеризуется попыткой последовательно деятельностного решения проблемы предмета науки. Здесь понятие «предмет науки» есть конкретизация понятия «предмет деятельности» применительно к рассмотрению науки как определенного рода деятельности. Абстрактные объекты могут быть истолкованы здесь как некоторые образования, организованности, внутрисубъектные построения, с которыми производится работа. Таким образом, понятие абстрактного объекта при таком подходе есть нечто отличное, не сближаемое с понятием предмета, но подчиненное ему.

С логико-методологической точки зрения биологическая реальность выступает, таким образом, как система абстрактных объектов биологии (логическая семантика); деятельностная же методология вскрывает биологическую реальность через общую организацию предмета биологии, через исследование языков, методов, моделей, экспериментальных методик, проблем и задач научной деятельности. Применительно к проблеме существования объектов научного знания на этом уровне спрашивают, каковы критерии того, что некоторый объект (независимо от его предметных характеристик) может рассматриваться «ученым вообще» в качестве элемента предметной реальности науки⁴. Эти требования к абстрактным объектам науки - критерии принадлежности к системе научного знания - можно называть по-разному: критерии научности, приемлемости, респектабельности и т. п. В логико-методологической литературе их исследование ведется широким фронтом и в качестве таковых выделяют эмпирические (подтверждение и опровержение) и внеэмпирические (непротиворечивость, простота, красота и т. п.) критерии.

Принципиальный момент с точки зрения обсуждаемой проблемы состоит в том, что все эти логико-методологические критерии существования абстрактных объектов науки не могут претендовать на философский статус: «В рамках логико-семантического рассмотрения языков науки, ограниченного кругом так называемых "внутренних вопросов", на которые можно дать ответ, оставаясь в пределах правил и средств данного языка».

Тот факт, что эмпирические и теоретические критерии не выводят из мира знания, зафиксирован и историей философии: и эмпиризм, и рационализм принадлежат одной философской традиции - созерцательной философии. Отбрасывая претензии этих направлений на философский статус, можно рассматривать поэтому номинализм, инструментализм, платонизм и другие концепции существования этого рода как допустимые абстракции логико-методологического уровня рефлексии с точностью до своих допущений, предпосылок, осмысляющие с разных сторон некоторые особенности научного знания. Необходимо диалектическое мышление, чтобы разумно использовать положительное содержание этих концепций, в своей абсолютизированной односторонности противостоящие друг другу.

Значит ли это, что вообще нельзя спрашивать об объективном, независимом от науки существовании? Нет, не значит. Но поскольку понятия вводятся для решения

⁴ Мы отвлекаемся от серьезной, только-только поставленной современной «философией биологии» проблемы специфики логико-методологических свойств биологического знания - специфики его абстрактных объектов, законов, объяснительных схем, описательной и экспериментальной работы. Ясно, что без детального обсуждения этих вопросов проводимый анализ проблемы существования страдает чрезмерной абстрактностью. Он адекватен с точностью до предпосылки о логико-методологическом единстве знания, предпосылки отнюдь не очевидной. нельзя ответить на "внешние" вопросы об объективном существовании объектов, не зависящем от языка. И это представляет собой реальную, естественную ограниченность логико-семантических методов» [19, с. 13].

строго определенных задач, нельзя требовать от них решения проблем, для обсуждения которых они не пригодны. Здесь, на этом уровне обсуждения, не имеет смысла спрашивать, существуют ли, например, естественный отбор, вид, ген, цель объективно, «на самом деле». Вопрос о материальном существовании формулируется в другой системе абстракций, на другом, философском уровне и имеет специфический смысл: он ставится не относительно отдельных элементов предметной реальности науки, а относительно самой предметной реальности с точки зрения выяснения ее статуса в структуре чувственно-предметной деятельности.

Таким образом, объект науки реален с позиции этого уровня рефлексии в том смысле, что он удовлетворяет критериям принадлежности системе научного знания. Например, существенное отличие сил гравитации от «энтелехии» заключается в том, что последняя принципиально, «по определению», не допускает возможности эмпирической проверки. В этом смысле неовитализм (хотя он и может рассматриваться в качестве некоего «понимания» биологических явлений) - это такое понимание, которое не требуется и запрещается наукой именно потому, что не удовлетворяет одному из фундаментальных критериев научности. Принципиальная ненаблюдаемость энтелехии говорит не о том, что она объективно не существует, а о ненаучности концепции, предполагающей ее в качестве элемента своей онтологии. С другой стороны, хотя теплород, флогистон, эфир и другие реальности физики XVIII в. удовлетворяли критериям научности, это не означает, что ни существовали «на самом деле» в XVIII в., а сейчас прекратили существование. Просто эти критерии принципиально не выводят за границы мира науки, не способны выразить материальное существование. Сама постановка вопроса в форме: «некоторый объект науки либо существует «на самом деле», либо не существует - есть порождение совершенно определенной, а именно созерцательной философской позиции. (Предполагается так или иначе возможность осуществления акта абсолютного сознания, различающего раз и навсегда «реальное» и «иллюзорное».) Впрочем, на логико-методологическом уровне можно выявить рациональное зерно этой метафизической (в обоих смыслах!) постановки проблемы существования. Например, с точки зрения гипотетико-де-дуктивной модели научного знания реальность действительно дана как бы дважды: в структуре науки выделяются эмпирические и теоретические объекты и задача методолога -связать их посредством специфической процедуры эмпирической интерпретации. По-видимому, вопрос: «Чему в действительности соответствуют абстрактные объекты науки?» - можно понять здесь в такой форме: какие из теоретических объектов могут получить более или менее непосредственную эмпирическую интерпретацию. (Можно говорить даже о «степенях» реальности в этом смысле.) Очевидно, что под «действительностью» понимается здесь совокупность эмпирических интерпретаторов.

Чтобы преодолеть «зависание» науки в пустоте чистой мысли, методологический анализ ее «внутреннего» описания должен доводиться до исследования науки «извне», до уровня коренных вопросов отношения субъекта и объекта, носящих уже собственно философский характер. «Чтобы понять теоретический мир в его целостности и реальности, необходимо выйти за пределы отношения теория-объект и критически отнестись к самой теоретико-познавательной рефлексии над теоретическим миром, т. е. охватить его в такой целостности, которая является уже не "теорией" и не "объектом", а делом реальных людей, познающих и преобразующих мир» [20, с. 136]. Такое описание- уже не компетенция собственно методологии, это область исследования философии: через проблематику логики и

методологии науки мы выходим, таким образом, к мировоззренческим и идеологическим проблемам.

Принципиальные положения относительно специфики постановки проблемы на философском уровне были даны ранее. Здесь хотелось бы высказать несколько дополнительных замечаний.

Только введением категории практики в концептуальный аппарат философии диалектический материализм впервые получил возможность корректно ставить вопрос об объективно-онтологическом статусе науки, вопрос о материальном существовании. Философское исследование «ставит целью за языком научной теории вскрыть систему знания, т. е. совокупность идей человека, посредством которых он духовно овладевает явлениями, процессами объективной реальности и создает предпосылки для создания потребного ему мира вещей и процессов» [21, с. 25].

Подчеркнем, что марксизм не просто «расширил» онтологию философского знания, подключив к натуралистически понятой «материи» общественное бытие и практическую деятельность людей, не просто усорершенствовал на этой основе традиционную гносеологию, но иначе сформулировал сами задачи философского сознания и соответственно иначе понял содержание категорий «материя», «сознание», «истина» и других средств философской работы. Материя и сознание с позиций диалектического материализма не есть некие «вещи», в качестве самостоятельных сущностей относящиеся друг к другу⁵, а именно теоретические абстракции, «разрезающие» целостность субъект-объектного практического отношения на две противоположные стороны и выражающие его объективную детерминацию. Если в созерцательном материализме категория материи обозначала фактически предельную категорию для понятия «природы», предметной реальности науки, которой в соответствии с объектным методом науки приписывался статус объективной реальности (идеализм правомерно видел в такого рода «материи» лишь инобытие духа, а именно духа научности), то в марксизме эта категория вводится в контексте исследования мировоззренческой проблемы отношения человека к миру. При этом «материя» и «сознание» оказываются характеристиками связи субъекта и объекта, абстрактными моментами деятельностного универсума и потому их нельзя приписывать ни отдельно взятому субъекту, ни отдельно взятому объекту по принципу: объект есть «часть» материи, сознание есть свойство субъекта; эти категории, как и любые другие, нельзя субстанциализировать. «Материя» и «сознание» есть понятия о всеобщей форме связи субъекта и объекта, сущностью которой является практическая деятельность общественного человека по освоению окружающего его мира [22, с. 116]. Основной вопрос философии поэтому выступает в диалектическом материализме именно как средство теоретического анализа предмета философии:

⁵ Ф. Энгельс специально критиковал эту сторону мировоззрения созерцательных материалистов, которые «знают, с одной стороны, только природу, а с другой - только мысль» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20, С. 545). Заметим, кстати, что критика «постулата непосредственности» в марксистски ориентированной психологии (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Д. Н. Узнадзе, В. П. Зинченко) исходит из того, что сознание не может быть принято в качестве самостоятельного члена гносеологического отношения. Субстанциализация категорий (сознания - в идеализме, материи - в материализме) - общая ошибка всех превращенных форм сознания, порожденная социокультурным фетишизмом.

исследования предельных оснований отношения человека к бытию, а «бытие людей есть реальный процесс их жизни» [23, с. 29].

Применительно к исследованию науки это означает анализ того специфического и исторически уникального типа связи, который реализован в этой форме теоретического отношения человека к миру. Анализируя место науки в системе отношений человека к миру, в конечном счете в структуре чувственно-предметной деятельности, диалектический материализм впервые корректно ставит и решает вопрос о ее онтологическом статусе. Дело не в том, что «за» предметной реальностью науки лежит богатство «метафизически переряженной природы», выяснение отношения к которой якобы составляет процедуру отличия «всамделишных» объектов от фиктивных. (Даже с привлечением диалектики, активности субъекта такая позиция принципиально не выводит за рамки созерцательной философии: это в лучшем случае «активная созерцательность».) Выяснение объективно-онтологического статуса науки - не «сравнение» предметной реальности с лежащей якобы «за» ней объективной действительностью (на невозможности такого «сравнения» всегда спекулировал и был прав агностицизм), но во-первых, вопрос об объективной детерминации содержания и формы науки как специфической деятельности и сознания практикой; во-вторых, вопрос о функции предметной реальности науки в культуре: задание идеальных планов возможного преобразования окружающего человека мира в практике. Успешность такого преобразования говорит о том, что научное знание несет объективное содержание, содержит объективную истину. В заключение заметим, что само различие неоднозначно связанных «вещи в себе» и «вещи для нас» есть продукт именно имманентного анализа науки (Кант), в своем рациональном содержании носящее логико-методологический, а отнюдь не философский характер. На этом уровне можно достаточно успешно справляться с проблемой эмпирического обоснования науки, с ситуацией альтернативности научных теорий, анализом научных революций и т. п. Но вопрос об объективно-онтологическом статусе науки не может быть здесь даже сформулирован. Чтобы уметь ставить этот вопрос, ученому нужно быть не просто хорошим методологом, но серьезным философом, осмысляющим предельные основания своей деятельности, ее «конечный» смысл и цель. Необходимость этого ярко демонстрируется современными дискуссиями: наука и нравственность, наука и идеология, глобальные проблемы современности и т. д. Подведем итоги. Проблема реальности в науке носит синтетический характер и решается применением средств всех уровней метанаучной рефлексии. Биологический объект может считаться существующим, если: 1) есть возможность вписать его в биологическую реальность по предметно-онтологическим характеристикам; 2) научная система, предполагающая существование этого объекта, удовлетворяет требованиям и нормам научности; 3) научное знание удовлетворяет критерию истины - задает планы деятельности по преобразованию мира живой природы в практике.

Итак, существует ли естественный отбор «на самом деле»? В этом вопросе упаковано, имплицировано множество разного рода проблем. Развернуть эту упаковку помогает разведение по уровням: «на самом» деле - значит «в деле», применительно к каждому уровню и в их единстве.

Понятно, что предлагаемое решение - лишь самый абстрактный каркас, требующий детальной конкретизации, учета многих оставленных в тени модусов функционирования науки, влияния на науку других форм сознания и соответствующих им типов реальности и множества других вопросов.

1. Грязное Б. С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982.
2. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20.
3. Там же. Соч. Т. 2.
4. Там же.
5. Там же. Т. 3.
6. «Предметом науки является определенного типа отношение человека к миру и к самому себе, т. е. мир через призму определенного типа деятельности». Косарева Л. М. Предмет науки. М., 1977.
7. Начиная с известной статьи акад. М. А. Маркова (См.: Вопр. философии. 1948. № 2) это понятие прочно вошло в методологию науки.
8. См.: Философские проблемы астрономии XX века. М., 1976.
9. Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопр. философии. 1977. № 7.
10. Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия. Методология. Наука. М., 1972.
11. Завадский К. М. Основные формы организации живого // Философские проблемы современной биологии. М.; Л., 1966.
12. Хайлов К. М. К эволюции теоретического мышления в биологии: от моноцентризма к полицентризму: [Системные исследования, 1973]. М., 1973.
13. Майр Э. Систематика и происхождение видов. М., 1947.
14. Любичев А. А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., 1982.
15. Щедровицкий Г. П. Проблемы построения системной теории сложного популятивного объекта: [Системные исследования, 1975]. М., 1976.
16. Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.
17. Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л., 1973.
18. Смирнов В. А. Уровни знания и этапы процесса познания // Проблемы логики научного познания. М., 1964.
19. Лекторский В. А., Швырев В. С. Указ, соч.
20. Грязное Б. С. и др. Теория и ее объект. М., 1975.
21. Копнин П. В. Анализ языка как логико-гносеологическая проблема // Вопросы теории познания. М., 1969.
22. Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого Я. М., 1975.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.